

Кондратьев В

1984/7

14 ОКТ 1984

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ
г. Москва

ЗА ДАЛЬЮ—ДАЛЬ

АДРЕСА НАРОДНОГО ПОДВИГА

«Я УБИТ ПОДО РЖЕВОМ»

Наши постоянные читатели, наверное, обратили уже внимание: разговор под новой рубрикой «Адреса народного подвига» мы начали публикацией «Помним дороги Смоленщины». Проезжая по городам и весям этой многострадальной срединной российской земли, мы пытливо вглядывались в сегодняшние меты: как хранится здесь, на полях жестоких сражений, память о подвиге стоявших насмерть в Великой Отечественной? Мы намерены поклониться многим святым местам войны, где ценою жизней добывалась Победа, — и партизанской Брянщине, и волжским берегам великого перелома, и засянным железом курским полям...

Сегодня — слово о Ржеве. Его произносит человек, по-особому причастный к тем далеким событиям на Ржевском направлении. Имя писателя Вячеслава Кондратьева стало известно читателям совсем недавно. Его «Сашку» и «Отпуск по ранению» — суровые и жесткие строки об уже далекой войне — критики окрестили «солдатской прозой».

— Вячеслав Леонидович! Вы дебютировали в литературе пятидесяти девяти лет от роду. Как случилось, что профессиональный художник стал вдруг писателем?

— Писателем стал солдат. И не вдаруг. Память о войне — это ведь не только обелиски, братские могилы, вечный огонь. Память о войне живет в сердцах всех, кто прошел ее дорогами.

Два самых ярких впечатления сохранило мое сердце из прожитой уже в основном жизни. Первое — это путь на войну, когда — через всю Россию — важи с Дальнего Востока, и чем ближе к Москве, тем отчетливее становилось лицо войны — встречи эшелона с ранеными, бесконечные составы с техникой. И глаза, глаза тех, кто встречал и провожал поезда, еду, — на фронт... А второе — это почти полтора года изматывающих боев практически на одной и той же территории, на Ржевском направлении, как писали тогда в сводках Совинформбюро.

Видно, такой это был опыт и такая сконцентрированная память, что в конце пятидесятых я, не думая вовсе о писательстве, выплеснул на бумагу то, что назвал сам для себя «ржевской прозой». Написал, потому что почувствовал: должен написать.

У каждого солдата было свое «поле». У меня — Овсянниковское. Первый бой... Он, как первая любовь. И хотя я был кадровым, два года прослужил, все равно: первый бой — на всю жизнь. А бои были тяжелейшие. Страшнее Ржева у меня ничего уже не было. И бояться мне потом было уже нечего: «Здесь выжил, значит, дальше — выживу!»

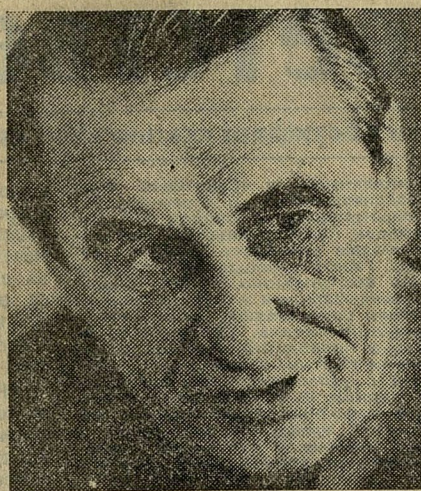
— Один из героев телевизионного цикла Симонова «Солдатские мемуары», помнится, рассказывал, что дошел до Берлина, но в День Победы ездил во Ржев...

— Именно. Ржев ведь единственный населенный пункт на территории нашей страны, где бои шли почти полтора года в самом городе. Так вот, написал я свои триста страниц, взял рюкзак и поехал к «моему полю». Остановился в деревне Черново, где стоял наш штаб. Всего три избы осталось там. Добрался запоздно, стучусь, прошу пустить переночевать. На меня хозяйка подозрительно смотрит, документы спрашивает. Даю паспорт, объясняю, что воевал в этих местах. Вдруг она и говорит: «А танки помните, которые на поле стояли?» Конечно, помню, три немецких, там-то и там-то. «Валд», — кричит она сыну, лежащему на печи, — не надо паспорт проверять!.. А я дальше вспоминаю, что был там ельничек небольшой... «Был. Теперь нету. Теперь там яблони растут». Откуда, мол, яблони-то? А солдаты ели яблоки, вот семечки и проросли...

Прошел я по «своему полю», узнать почти невозможно: овраг, например, — он или нет, вроде больше был... Я по весне приехал, в минных воронках — вода, и блюда эти через каждые три-четыре шагов... Как там люди жили-то? И ни одного окопа, как при нас не было, так и потом, стало быть. А войска там еще год стояли...

— А почему же окопов не было?

— Пришли мы сюда на позиции — зима, копать нечем, саперной, малой, не возмешь, кирок, ломов нет. А потом вода сплошная стояла, весна началась; только к концу апреля выкопали землянку для ротного и для помкомбата.

Возвращаюсь через деревню Усово, спрашиваю местных мужиков: «Что ж, ребята, не захоронили?» — «А мы в эту рошу не ходим, мин боимся. С полей-то только в пятьдесят третьем году убрали. Пахоть было нельзя...» Тогда только и уложили останки ржевских солдат в фанерные гробы, увезли в деревню Петуново: там на берегу Волги поднялась сейчас братская могила.

В тот свой приезд подо Ржевом я вновь перечитал все, что написал. И увидел: совсем не то. Понадобилось, как видите, еще пятнадцать лет, чтобы вернуться к моим солдатским мемуарам. Понимаете, о войне надо писать только правду. Солдат Кондратьев все время ограничивает писателя Кондратьева: «Не ври!».

В моих повестях практически нет никакого вымысла: даже маленькая деталь имеет документальное подтверждение. Мария Петровна Разумихина, хозяйка той избы, что приняла меня, в первый же вечер принесла армейскую газету. Читаю отчеркнутую заметку, в которой говорится, что Виктор Разумихин, брат ее, вступил в партию на пенелече рдной деревни. Воевал, был ранен, попал в госпиталь, вернулся на фронт, а фронт — возле дома... Такое может придумать только жизнь. В рассказе «На поле Овсянниковском» этот эпизод нашел свое место.

Я даже фамилий своих героев почти не выдумывал. Называю подлинные имена. Признаться, почему? Зову живых! Но, похоже, никому уже меня услышать: за все годы только двух однопольчан разыскал...

— Наверное, можно говорить об особой ржевской памяти. Она началась с Александра Трифоновича Твардовского. Помните?

Фронт горел, не сгорая,

Как на ране рубец,

Я убит и не знаю —

Наш ли Ржев наконец?

— Да, в той нашей нелегкой войне Ржев памятен своей тяжестью. Ржевский выступ угрожал Москве. Было ясно: если фашист снова полезет на столицу, то именно от Ржева. Выступы на войне надо срезать... Летом, когда оказалось, что основное наступление немцев — на юге, Ржев стал играть роль оттягивающей силы...

...Бои подо Ржевом. Такое не забывается. Да и как такое забыть? Еще лет двадцать назад на железнодорожной станции Ржев висело объявление: «Дети! Будьте осторожны со взрывоопасными предметами!». Память Ржева. Я ее очень хорошо почувствовал. Читательские конференции по моим «ржевским» повестям здесь проходят совсем не так, как в других городах.

— Память тех, кто прошел дорогами войны, не подвластна времени. Но ведь выросли поколения тех, у кого нет своего Овсянниковского поля...

— Я думаю, что, пока живы мы, нашим детям и внукам войны не забыть. В каждом доме висят фотографии не вернувшихся. В каждой семье живет изустная легенда. Наверное, она значит даже больше, чем литература о войне. Мне приходилось слышать много отзывов о «Сашке». Но один — ставлю выше прочих. Актер театра «Современник» Леонтьев, готовивший композицию по моей повести, позвонил и сказал: «Вячеслав Леонидович, я знал две войны. Одну — ту, про которую

читал. Вторую — ту, о которой рассказывал отец. Ваш «Сашка» мне напомнил отцовские рассказы».

Мучительно откровенная правда о суровой из войн обладает, помимо всего прочего, бесценным воспитательным значением. Молодое поколение должно знать настоящую цену войне, цену подвигу. Нелегко приводить себя в пример, но одну историю хочу вспомнить. Однажды на читательской конференции я встретился с молодым человеком, прошедшим Афганистан. И вот что он сказал: «Мне двадцать два года. Я прочитал «Сашку» до армии. И, знаете, он мне помог. Я знал, что меня ждет. Знал, как будет трудно».

Рассказы о войне не обязательно должны стать фактом литературы, но все равно они необходимы людям.

Разговариваю однажды с танкистом, отступавшим с самого Бреста. Рассказывает поразительно яркие эпизоды. Я возьму да и спрошу его: «Вы об этом написали в своих воспоминаниях?» А он так удивленно на меня посмотрел: «Разве об этом можно писать?» Поймите, убеждал я его, ваши воспоминания только тогда имеют ценность, когда в них рассказывается ничем не украшенная правда. Внутренний редактор не должен вычеркивать. Тем более, что на первой странице мемуаров бывший танкист написал: «Это для моих сыновей». Зачем же им приукрашивать горечь отступления?

Ведь будущий Лев Толстой свою «Войну и мир» станет писать не только по мемуарам маршалов и генералов, но и по этим вот солдатским воспоминаниям...

— А где он их возьмет?

— Вот именно. Ведь пока никто не взял на хранение солдатские мемуары. Фронтные письма, я знаю, собирает архив ЦК ВЛКСМ. Хорошее дело, но эти письма прошли двойную проверку — военную и собственную, своего сердца. Не хотели мы, фронтовики, своих близких лишней раз тревожить.

Нам нужны солдатские мемуары. Константин Михайлович Симонов сделал первый важный шаг — создал цикл телевизионных передач под таким названием. Но Симонов ушел от нас. А что дальше? Сколько еще ярчайших страниц войны нам с вами неведомо! С моей точки зрения, это проблема огромной важности. Она не может, считаю, быть решена в рамках одного города. Это — государственное дело: воспоминания надо хранить, научно обрабатывать, лучшие из них — публиковать. Чтобы и в будущем граждане Отечества знали, какое лицо у войны.

— Ваша мысль о солдатских мемуарах — мудрая и очень своевременная. Но как вы себе представляете такую работу, хотя бы поначалу?

— Однажды на читательской конференции в одной из районных библиотек я предложил: может быть, на первых порах библиотеки взяли бы на себя собрание рукописей? Ведь у нас в новых домах нет чердаков, подвалов, куда бы за ненадобностью складывали дедовские бумаги и где по прошествии времени правнуки находили бы их... К старости приходит к людям желание подытожить свою жизнь, передать самое главное из нее потомкам. Мой дед оставил после себя небольшое жизнеописание. Отец тоже.

Кстати, дороги не только воспоминания солдат, но и людей, просто переживших войну. Мария Петровна Разумихина, о которой я рассказывал вначале, перед смертью прислала мне свои воспоминания. Как интересен, правдив и страшен рассказ этой простой женщины! Судьба семьи, практически единственных старожилов деревни, меня потрясла. К началу войны очень болела свекровь. Из-за нее и не эвакуировались. Пришли фашисты. Разумихины и наголодали, и страху не терпелись, а после наступления под Москвой гитлеровцы угнали их с собой, в деревню Икша. «Мы видели, как вы наступали на Овсянниково, мы видели, как клали вас немцы цепями...» — рассказывала мне Разумихина. Когда вернулись из оккупации — все разорено. Даже плуга не было, чтобы выпрачить.

Будем же ставить памятники всем, кто победил в той войне. Из мрамора, из бетона и бронзы. И из самого вечного материала — из человеческого слова.

Беседу вел А. ЧЕРКИЗОВ.